

www.volsu.ru

БЫТ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.11>

UDC 94(47)«1920/1929»

LBC 63.3(2)

Submitted: 24.09.2023

Accepted: 06.12.2023

“WE WILL FORGET THE OLD TRADITIONS...”: HOLIDAYS, RECREATION, EVERYDAY PRACTICES AND UPBRINGING OF A NEW STUDENT IN THE 1920s

Ilya V. Sidorchuk

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation;

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In the early Soviet period, the “proletarianization” of students became one of the most important components of the Soviet government’s policy toward higher education. To achieve this goal, a whole set of measures was applied, among which a certain role was given to building a qualitative and effective cultural and educational work (*kultprosvet*). Within the framework of this study, an attempt has been made to identify its main forms aimed at combating traditions, habitual practices of spending free time, and educating a “new” Soviet student. *Methods and materials.* The achievements of new social history and historical anthropology were applied, which made it possible to conduct a comprehensive analysis of the phenomenon of attempts to Sovietize students through the transformation of their everyday lives. The most informative sources for studying the problem were materials from the archival collections of Soviet universities and their party committees, where, in particular, minutes of meetings of propaganda commissions, boards of educational institutions, and reports on cultural work carried out among students are stored. *Analysis.* It was found that the authorities sought to quickly replace the customs, rituals, and practices familiar to the student environment. To do this, a whole range of alternative traditions was imposed on young people in parallel with the discrediting of those that were associated with “bourgeois remnants.” We are talking about new holidays, the approval of such forms of leisure as political education, the celebration of the days of the “red” calendar, sports, etc. In general, they were identical to those promoted in the work environment. These efforts did not always achieve their goal, and even the proletarian students sometimes willingly adopted pre-revolutionary values and behaviors. *Results.* According to the author, one of the main objectives of the state policy in the field of students was the desire to level its special position, which was fixed in the previous era. From an independent and free citizen, the student had to turn into a “staple of the proletarian regime,” which dealt a strong blow to the uniqueness of this social stratum of the population and led to the devaluation of its status.

Key words: history of higher education, students, traditions, proletarianization, everyday lives.

Citation. Sidorchuk I.V. “We Will Forget the Old Traditions...”: Holidays, Recreation, Everyday Practices and Upbringing of a New Student in the 1920s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 160-171. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.11>

© Сидорчук И.В., 2024

«ТРАДИЦИИ СТАРЫЕ МЫ ПОЗАБУДЕМ...»: ПРАЗДНИКИ, ОТДЫХ, ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ И ВОСПИТАНИЕ НОВОГО СТУДЕНТА В 1920-е ГОДЫ

Илья Викторович Сидорчук

Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация;
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* «Пролетаризация» студенчества стала одной из важнейших составляющих политики советской власти в отношении высшей школы в раннесоветский период. Для достижения этой цели применялся целый комплекс мер, среди которых определенная роль отводилась выстраиванию качественной и эффективной культпросветработы. В рамках настоящего исследования проведена попытка выявить ее основные формы, направленные на борьбу с традициями, привычными практиками проведения свободного времени и воспитание «нового» советского студента. *Методы и материалы.* Помимо конкретно-исторических методов применялись достижения новой социальной истории и исторической антропологии, что позволило провести многоаспектный анализ феномена попыток советизации студенчества через трансформацию его повседневности. Наиболее информативными источниками при изучении проблемы стали материалы архивных фондов советских университетов и их партийных комитетов, где, в частности, хранятся протоколы заседаний агитационно-пропагандистских комиссий, правлений учебных заведений, отчеты по проводимой среди студенчества культработе. *Анализ.* Было установлено, что власть стремилась к быстрой замене привычных для студенческой среды обычаев, ритуалов и практик. Для этого молодежи навязывался целый спектр альтернативных традиций параллельно с дискредитацией тех, что связывались с «буржуазными пережитками». Речь идет о новых праздниках, утверждении таких форм досуга, как политучеба, отмечание дней «красного» календаря, спорт и пр. В целом они были идентичны тем, что продвигались в рабочей среде. Эти усилия не всегда достигали своей цели, и даже пролетарское студенчество подчас с охотой перенимало дореволюционные ценности и модели поведения. *Результаты.* По заключению автора, одной из основных задач государственной политики в области студенчества было желание нивелировать его особое положение, закрепившееся в прежнюю эпоху. Из независимого и свободного гражданина студент должен был превратиться в «скрепу пролетарского режима», что наносило сильный удар по уникальности этой социальной прослойки населения и вело к девальвации ее статуса.

Ключевые слова: история высшей школы, студенчество, традиции, пролетаризация, повседневность.

Цитирование. Сидорчук И. В. «Традиции старые мы позабудем...»: праздники, отдых, повседневные практики и воспитание нового студента в 1920-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 160–171. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.11>

Введение. У Института инженеров путей сообщения Императора Александра I в Санкт-Петербурге, основанного в 1809 г., существует весьма оригинальный символ – зеленая лягушка. По одной из версий, «лягушатами» питомцев института назвала Екатерина Павловна, принцесса Ольденбургская, за зеленый цвет воротника на их мундирах. Символ был очень любим студентами, широко тиражировался, а во время балов скульптура зеленой лягушки устанавливалась на специальном постаменте и исполнялся причудливый

и веселый танец «Лягушка» [8]. В 1917 г. институт обрел новое название – Петроградский институт инженеров путей сообщения, но многие студенты полагали, что это вовсе не повод отказываться от любимого символа, равно как и связанных с ним ритуалов. Однако в 1923 г. пролетарская часть студенчества наклеила на скульптуру лягушки лист со стихотворением, где были такие строки: «Традиции старые мы позабудем, / Кумир буржуазный для нас уж не бог, / Ему раболепно молиться не будем / И к счастью поищем иных

мы дорог. <...> Мы квакать лягушку в болото отправим: / Она в Институте нелепость сейчас» [7].

Студенты являлись отдельной, во многом уникальной частью российского общества, занимавшей свое особое место в пространстве города, со своей корпоративной культурой, четкими границами как от профессуры, так и от государства. Отсюда понятен и логичен историографический фокус на них как важном субъекте исторического процесса, способном играть большую роль далеко не только в жизни высшей школы, но и общественном движении, культуре, городской жизни, трансляции новых норм, ценностей и смыслов [11; 18].

Подобная субъектность, учитывая оппозиционность как характерную черту студенчества, не могла не тревожить большевистскую власть. Именно «пролетаризация» стала основой политики в отношении высшей школы в первой половине 1920-х гг., на что обращается принципиальное внимание в существующей историографии вопроса [1; 2; 34, с. 195–278; 40]. Среди наиболее сильных и эффективных мер, предпринимавшихся для достижения этой цели, были чистки, репрессии против ведущих антисоветскую деятельность, ограничения на поступление для выходцев из «нетрудовых» сословий, создание рабфаков, совершенствование структуры и руководства профсоюзными студенческими организациями, подрыв естественного процесса возрастной смены в вузах и целый ряд других [24; 49]. Представляется, что среди них стоит назвать и те, которые были связаны с организацией культпросветработы и трансформацией быта. Обычно они остаются вне пристального внимания специалистов ввиду их, казалось бы, периферийности, хотя в ряде исследований затронуты вопросы свободного времени, быта и досуга учащейся молодежи [15; 37]. Тем не менее именно эти элементы способствовали формированию студенческой индивидуальности и цельности, были неотъемлемой частью процесса создания «нового» студента, складывания его идентичности. Настоящая статья ставит своей целью отчасти компенсировать этот пробел, рассмотрев и продемонстрировав то, как велась работа в рамках трансформации студенческой праздничной культуры, повседневных практик и отдыха.

Она была направлена на преобразование высшей школы в раннесоветский период и во многом определила ее последующее развитие. При этом нельзя забывать о том, что работа среди студенчества не только ставила своей целью примитивную политизацию, но и являлась частью масштабного, грандиозного проекта культурного строительства, в центре которого оказывалась учащаяся молодежь. Культуртрегерство большевистской власти применительно к молодежи подразумевало и такие очевидно позитивные изменения, как борьба за культуру быта, физическое здоровье, рост общеобразовательного уровня и пр. В историографии подчеркивается, что советские лидеры видели в молодежи тех, кто в первую очередь способен преобразовать общество, и электорат, легитимирующий новое государство, что вело к вовлеченности ее представителей в происходившие процессы и даже наделяло политической субъектностью [45; 50].

Методы и материалы. Среди конкретно-исторических методов привлекались историко-сравнительный, историко-типологический, исторической периодизации и проблемно-хронологический. В частности, историко-сравнительный метод позволил выявить общее и повторяющееся в развитии университетских студенческих традиций в дореволюционный и постреволюционный период. Использование методологии новой социальной истории позволило провести многоаспектный анализ феномена попыток создания «нового» студенчества. Ее особенностью является междисциплинарный характер, использование достижений исторической антропологии и внимание к модернизационным процессам.

Наиболее информативными источниками при изучении проблемы стали делопроизводственные документы. Речь идет о материалах фондов университетов и их партийных комитетов, где хранятся протоколы заседаний агитационно-пропагандистских комиссий, правлений учебных заведений, отчеты по проводимой среди студенчества культработе. Они позволили выявить наиболее распространенные механизмы «пролетаризации» студенчества и получить статистические материалы о вовлеченности студентов в новые навязываемые практики проведения свободного времени. Среди периодической печати в ис-

следовании использованы журналы, посвященные жизни высшей школы и учащейся молодежи («Красный студент», «Красное студенчество» и др.), а также непосредственно издания различных университетов («Рабочий студент», «Голос пролетарского студенчества», «Студент-пролетарий» и др.).

Анализ. Приведенный в начале статьи пример с зеленой лягушкой Института путей сообщения был далеко не единственным. Так, осмеянию в освещавшей жизнь высшей школы прессе удаивались сложившиеся порядки взаимодействия студентов с преподавателями – безоговорочное признание авторитета, прием только в определенные дни и часы, манера обращения, предубеждения против девушек и пр. [6]. Постоянно говорилось о неприемлемости подобного: «Вряд ли кто станет сомневаться, что в наших ВУЗ'ах все еще господствуют “священные традиции доброго старого времени”. Фетишизм и идолопоклонство здесь все еще крепко сидят и стойко обороняются от новых веяний, прикрываясь заповедной давностью старины, авторитетностью имен, “категорическими императивами” и другими “психическими рудиментами” (Мечников)» [14, с. 22]. В диктуемых властью условиях сохранение дореволюционных традиций было определенным актом сопротивления [17, с. 124]. Сам термин «традиционный» применительно к студентам имел исключительно негативные коннотации: «Карфаген “традиционного” буржуазного студенчества должен был быть разрушен» [21, с. 15].

Способом «приобщения к политической жизни новых слоев рабочего класса, пролетарской молодежи», легитимации власти большевиков и создания новой символической реальности, формирующей коллективную идентичность, были многочисленны новые праздники [5, с. 23]. Разумеется, в прошлом должны были остаться привычные для студенчества, но связанные с прошлой эпохой Дни основания университетов (Татьянин день для Московского, 8 февраля для Петербургского, 5 ноября для Казанского и т. п.). Они были не просто пьяными гульбищами, сопровождавшимися драками, хулиганскими выходками и массой приключений, шокировавших городских обывателей, но сакральной традицией, символом свободы, лихой молодости и права

заявить о себе, подобно средневековому карнавалу, на время нивелировавшему сословные границы. Вместо этого был предложен новый праздник – 21 (8) февраля в память студенческих волнений 1899 г. в Санкт-Петербурге как раз во время празднования Дня основания университета [34, с. 343]. Иным должен был стать и характер празднования, соотносясь с сформировавшимися советскими ритуалами. Так, на 104-ю годовщину Петроградского университета в 1923 г. было организовано студенческое шествие с красными знаменами ко дворцу Урицкого (Таврическому), сопровождавшееся пением Интернационала. В зале заседаний дворца студенты слушали речи партийных функционеров, один из которых, Б.П. Позерн, заявил: «Пролетариат ждет вас в свои ряды». В завершении был устроен концерт [47]. Безудержная вольница заменялась зарегулированностью, предписанностью и дисциплиной.

Впоследствии «праздник красного революционного студенчества» был отменен, не закрепившись в календаре. Весьма показательными были аргументы его противников: «...теперь, в условиях диктатуры рабочего класса, мы мыслим студенческое движение либо только как идущее в ногу со стремлениями рабочего класса, либо – противорабочим движением, движением контрреволюционным. Если мы в действительности будем иметь Советское, идеологически определенно оформившееся студенчество, то у последнего не должно и не может быть ничего такого в своей работе и деятельности, что отделяло бы его от общегосударственной жизни, от общих задач и целей, поставленных рабочим движением в России в настоящее время» [31, с. 9]. Таким образом, ему отказывали в традиционной уникальности, праве на особое место в обществе, оставляя лишь путь принятия новых норм и интеграции с пролетариатом. Самыми важными должны были стать те же праздничные даты, что и для остальных жителей страны. Так, 1 Мая демонстрировалось Днем единства студенчества, а его празднование – символом победы над антисоветской и буржуазной силами в вузах [13; 20].

С 1924 г. началась практика отмечания Ленинских дней, связанных с чествованием памяти лидера революции. Они включали орга-

низацию вечеров с художественными постановками, революционными песнями, докладами партийных лидеров и профессоров. Борьба также велась с традиционными религиозными праздниками, особенно Пасхой и Рождеством, для чего устраивались их «красные» варианты [43, с. 13–14] – практика, активно насаждавшаяся и в рабочей среде. Девушкам-студенткам навязывалось участие в Международном празднике работницы 8 Марта. По этому поводу устраивались собрания, читались доклады о позиции партии по женскому вопросу, положению женщины в советском обществе и т. п. Визуальным атрибутом праздника должен был стать красный платок, подчас обязательный для всех участниц [23; 32]. При этом в данном случае праздник нельзя назвать изобретением советской власти, так как он был распространен и до революции среди левых партий, членами которых были в том числе и студенты.

Кампании были приурочены как к официальным праздничным дням, так и к другим датам «красного» календаря, которые хоть и не являлись выходными, но поддерживались властью. Так, в 1927 г. агитпропкомиссия Ленинградского университета решила провести следующие массовые кампании: «1) Годовщина Октябрьской Революции; 2) 1905 год; 3) Антирелигиозные рождественская и пасхальная кампании; 4) Январские дни (Память В.И. Ленина и 9-ое января); 5) Убийство К. Либкнехта и Р. Люксембург; 6) День Кр[асной] Армии; 7) Годовщина Университета; 8) День работницы; 9) Свержение самодержавия; 10) День Парижской Коммуны; 11) День печати» и 1 Мая [44, л. 29]. Как повод, так и само проведение празднования должны были соответствовать утверждавшимся практикам – сопровождаться митингами, демонстрациями, докладами, собраниями, пением революционных песен, декорированием плакатами и лозунгами и пр.

Новой характерной особенностью университетов стало внимание к той части их сотрудников, которая практически полностью игнорировалась в былые времена. Речь идет о простых работниках – кочегарах, уборщицах, служащих столовой и т. д., то есть тех, кто совершенно далек от науки и образования, но в постреволюционных условиях полу-

чил новые права, возможности, привилегии и признание (как минимум на уровне декларации). Это проявлялось в том числе и в их участии в различных праздничных мероприятиях. Так, согласно плану комиссии Ленинградского университета по подготовке празднования 10 годовщины Октябрьской революции, на демонстрации должен быть следующий порядок построения: «1. Головной плакат, 2. Знамена, 3. Духовой оркестр, 4. “Рота ВУЗ”, 5. Профессура, рабочие и служащие, 6. Струнный оркестр, 7. Физмат, 8. Геофак, 9. Ямфак, 10. Хор, 11. Совправо» [26]. То есть рабочие шли перед студентами, чем во многом подчеркивалась их новая роль в университетской жизни.

Помимо праздников, создание истинно пролетарского студенчества планировалось осуществлять через целый ряд новых практик, видов отдыха, досуга и привычек. Основными предполагаемыми формами организации свободного времени студентов были различного рода кружки. Акцент делался на тех, чья деятельность отчетливо носила воспитательно-пропагандистский характер: политпросвещения, марксизма-ленинизма, антирелигиозных, текущей политики, полит-учебы, программы и устава ВКП (б) и т. п. [4, л. 10]. Учитывая, что речь шла об учащейся молодежи, настроенной на получение знаний, внимание уделялось устройству научно-технических кружков [36]. Не оставались в стороне от вузов и различные добровольные организации, в частности Общество друзей воздушного флота и Осоавиахим, привлекавшие студентов к своей работе. Более развлекательную цель преследовали другие кружки: литературный, хоровой, оркестр, живая газета, радио, фотокружок и пр. [29, л. 124 об.]. Это позволяло компенсировать перевес политвоспитания и агитации в культработе, что не могло удовлетворить запросы молодежи на отдых. Пытаясь решить эту же задачу, были предприняты попытки разнообразить политработу, например устройство политлотерей, полит-игр, живых газет, политбоев на актуальные темы. От культкомиссий вузов требовалось привлечь к этому максимально большое число студентов, как партийных, так и беспартийных [33, л. 6].

Распространенными формами работы были доклады, лекции, беседы. Подобно ра-

бочим общежитиям, в студенческих организовывались читальни. Учитывая большую востребованность театра и кино, а также более чем скромные финансовые возможности учащихся, предпринимались меры к тому, чтобы добиваться скидок на билеты. Параллельно велась работа по контролю над этими формами досуга – через коллективные посещения, сопровождение киносеансов докладами на политические, бытовые и научные темы, влияние на репертуар [30, л. 12–12 об.]. Отметим, что именно студентам обязано своим появлением такое яркое явление советской театральной жизни 1920-х гг., как «Синяя блуза». Ее создали учащиеся Московского института журналистики в 1923 г., поставив своей целью доступно и ярко провести агитацию среди рабочих понятными им средствами.

Большое значение в деле воспитания, роста технической грамотности и агитации были призваны играть различного рода экскурсии [25, с. 49]. Ассортимент их был весьма обширен. Так, за октябрь 1927 г. студенты Ленинградского университета посетили следующие места: 1) Криминологический музей; 2) Русский музей; 3) Детское село; 4) Музей революции; 5) Музей мозга; 6) Петропавловская крепость; 7) Таврический и Смольный; 8) Комендантский аэродром; 9) Выставка собак; 10) Ледоколы «Ленин» и «Святогор» [«Красин». – И. С.]. Всего 20 экскурсий, в которых приняли участие 563 человека, – 287 первокурсников, 178 второкурсников и 96 старшекурсников [22]. Для технических вузов особенно рекомендовались экскурсии на производство. Более близкому знакомству студентов с корпоративными традициями, в особенности историей революционной борьбы, должны были способствовать экскурсии по родному вузу [30, л. 12].

Плотно в жизнь студенчества должна была войти физкультура как средство профилактики заболеваний и повышения физической подготовки учащейся молодежи [42]. В данном случае речь вновь шла о преодолении традиции – дореволюционное студенчество (отчасти справедливо) обвинялось в скептическом отношении к спорту [12, с. 273–274]. Хотя первые спортклубы появлялись уже тогда, отныне речь шла о пролетаризации физкультуры и спорта и их массовости. Особое

внимание уделялось поддержке видов, связанных с военной подготовкой, – стрельбе и лыжам. В Воронежском университете в работу стрелкового кружка был вовлечен даже ректор [16, с. 40]. Как и у рабочей молодежи, в студенческой среде развитие получили футбол, баскетбол, шахматы и шашки, а со второй половины 1920-х гг. – пинг-понг [29, л. 124].

Впрочем, физкультура и спорт в 1920-е гг. не стали столь широко распространены среди учащейся молодежи, как на то рассчитывала власть. Принципиальным шагом в данной области стало узаконение введения физической культуры в учебные планы вузов, осуществленное в 1929 г., хотя и реализовывавшееся с большими трудностями из-за отсутствия инфраструктуры и кадров.

Затронула вузы и такая оригинальная форма культуры, как агитационные суды, тематика которых была адаптирована под происходившую борьбу внутри высшей школы. Например, революционное студенчество Пермского университета устроило суд-инсценировку над профессором, которого обвиняли в негативном отношении к новым методам преподавания, новому быту, в религиозности, пристрастном отношении к некоторой части студенчества и отрицательном мнении о пролетаризации вузов [41].

Как и в случае с рабочими и служащими, главным пространством для культурного досуга, отдыха и внеучебной работы должен был стать клуб. Стремление приблизить науку к промышленности, а также наладить взаимосвязь учащейся и рабочей молодежи определили его основные особенности применительно к вузам. Постоянно говорилось о большей связи с производственным началом [38, с. 11]. Поощрялось устройство совместных вечеров рабочих заводов со студентами, должных содействовать сближению с пролетариатом и обмену знаниями, что стало особенно важным в период первой пятилетки и введения системы обучения без отрыва от производства [27, л. 4].

Речь шла и о том, что сознательные студенты должны налаживать деятельность в рабочих клубах, многие из которых страдали от нехватки квалифицированных кадров, что существенно снижало качество их работы. То есть власть видела в студентах не только

объект, но и субъект культпросветработы, ее организатора. В идеале студенчество должно было стать агентом-партнером государства [17, с. 122–123], одним из «революционных отрядов СССР», активно жертвующим собой ради успеха социалистического строительства. Как справедливо отмечает О. Рябченко, «повседневная жизнь студенческой молодежи 1920–1930-х гг. характеризуется повышенным участием в разнообразных кампаниях советской власти» [35, с. 95]. Студенты, а не преподаватели составляли большинство коллектива партийных агитаторов, тем более что многие из них вступили в ряды ВКП(б) раньше. Например, среди агитаторов Ленинградского университета в 1926 г. из 26 человек было только двое преподавателей – И.И. Презент (в том же году окончивший обучение, а в партию вступивший в 1921 г.) и К.В. Нотман (выпускник 1925 г., член партии с 1924 г.) [39].

В период каникул многие студенты уезжали в деревню, и на них стремились возложить обязанность вести агитационно-пропагандистскую и воспитательную работу среди крестьянства: объяснять политику партии, привлекать к работе общественных организаций, быть «толкачом» газеты в рабоче-крестьянские массы и пр.: «Если студент сумеет уловить нити классовой борьбы в повседневной жизни деревни и передаст селькорам способность улавливать отдельные звенья борьбы, а также понимать значение этих звеньев всей цепи событий, – это будет величайшее дело» [19; 46, с. 21]. После возвращения к учебе они отчитывались о проделанной работе: сколько проведено докладов, лекций и бесед, на какие темы, какое участие принимали в работе местных политпросветительских организаций, в частности в спектаклях и концертах, праздниках «красного» календаря и пр. [43, с. 13–14]. Велась также работа среди красноармейцев и на заводах, в основном связанная с борьбой с безграмотностью и малограмотностью. Общественно-культурная деятельность на производстве осуществлялась в период прохождения на них практики. Отдельное внимание уделялось работе среди нацменьшинств, для чего привлекали студентов соответствующих национальностей [28, л. 8; см. также: 3].

Разумеется, подобная пролетаризация студенчества не могла реализовываться беспрепятственно. Даже чистки, регулирование состава поступающих и прочие меры, ведущие к освобождению от «чуждых элементов» и созданию полной однородности среды учащихся, так этой цели и не достигли. Например, в 1924 г. в Казанском университете выходцы из семей рабочих и крестьян составляли менее 60 % [25, с. 43]. Всего же по РСФСР в 1928–1929 гг. дети рабочих и крестьян составляли немногим менее 70 % среди студентов вузов. Стоит учитывать и то, что при поступлении многим прекрасно удавалось скрыть свое истинное происхождение [34, с. 215–237].

При всех успехах в борьбе за классовую чистоту власть не смогла противостоять «обуржуазиванию» и «омещаниванию» студентов из рабочих и крестьян, познакомившихся с соблазнами больших городов и перенимавших традиционную студенческую культуру во всем ее многообразии. Прививки правильным происхождением оказывалось недостаточно, и противоречия между двумя мирами – «старым» и «новым» студенчеством – нивелировались [34, с. 263, 278]. Например, бывали случаи, когда студенты-комсомольцы носили такие же фуражки и куртки, как и дореволюционная интеллигенция, чтобы выделяться из массы «некультурной» и необразованной молодежи [48, р. 198].

Студенты не были свободны и от очарования типичных девиантных практик – пьянства, хулиганства, обращения к услугам проституток, азартных игр. Хулиганские поступки могли быть вполне традиционными (вроде битья стекол и драк), но случались и оригинальные случаи, например срыв литературного вечера чтением «антипролетарских стихов» [9]. В том числе и студенчество достигли противоречивые последствия раннесоветской сексуальной революции, что прекрасно было показано в вызвавшем скандал рассказе П. Романова «Без черемухи», главная героиня которого была студенткой Московского университета.

Сама аполитичность, декларирование того, что молодой человек просто желает учиться, а не заниматься политикой, уже понималась как отклонение, характерное для

скрытых контрреволюционеров, шкурников или карьеристов [21, с. 13]. Были и девиации, которые признавались свойственными только студенчеству. Речь идет о так называемом «упадочничестве», выражавшемся в социальном абсентеизме, декадентстве, порочном поведении, любви к стихам С. Есенина, мыслях о суициде и пр. При всех попытках увязать подобные «болезненные явления» с антибольшевистскими пережитками приходилось признавать, что они в полной мере характерны и для «нового» студенчества, в том числе комсомольцев и партийцев. Зачастую подобное поведение было следствием эскапизма, актом сопротивления политике контроля и дисциплинирования, навязывания жестких норм и однозначных оценок, которые критическое мышление не могло принять. Помимо этого, маргинальный статус был исторически характерен для российского студенчества, что также могло играть определенную роль.

Результаты. Можно выделить три основные задачи государственной политики, направленной на трансформацию старых студенческих ритуалов, практик и традиций и закрепление новых. Во-первых, это было связано с активным процессом пролетаризации высшей школы – «новые» студенты должны были отказаться от дореволюционных «пережитков». Во-вторых, – с высокой степенью патернализма и стремлением власти проникать во все сферы общественной жизни, что вело к установлению контроля над студенчеством. Наконец, речь может идти о желании нивелировать особое положение студента, закрепившееся в обществе. Из независимого и свободного гражданина студент должен был превратиться, по словам Г.Е. Зиновьева, в «скрепу пролетарского режима» [10, с. 5]. Показательно, что формы и методы культпросветработы практически не отличались от тех, которые распространялись среди рабочих и других слоев населения, – кружки, клубы, физкультура, кино, театр и пр. Это наносило сильный удар по уникальности студенчества и вело к девальвации его статуса. При этом стоит учитывать гетерогенность раннесоветского студенчества и то, что определенная его часть становилась бенефициаром проводимой политики. Разнородный состав влиял и на культурно-досуговые прак-

тики, когда дети нэпманов или старой интеллигенции вполне успешно сохраняли былые традиции, а, например, рьяные комсомольцы и организаторы студенческих коммун порывали даже с малейшим намеком на них.

БЛАГОДАРНОСТИ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00048, <https://rscf.ru/project/23-18-00048/>

ACKNOWLEDGEMENTS

The research was supported by RSF No. 23-18-00048, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00048/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Д. А. «Красное студенчество» 1921–1924 гг.: контуры образа. (К вопросу об обязательности «пролетарского» происхождения) // Диалог со временем. 2007. Вып. 20. С. 270–284.
2. Андреев Д. «Красный студент» и политика пролетаризации высшей школы // Новое литературное обозрение. 2008. № 2. С. 45–61.
3. Анкета по обследованию материального положения студентов КГУ [1925 г.] // Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. Р1337. Оп. 45. Д. 1ж. Л. 15.
4. Апаробота Комсомола [1929 г.] // ГАРТ. Ф. П-624. Оп. 1. Д. 36. Л. 10–11.
5. Барышева Е. В. «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: советский праздник в социальном конструировании нового общества. М.: РГГУ, 2020. 192 с.
6. Беккер Б. На закате // Студент революции. 1923. № 6. С. 74–76.
7. Вильсоровский. Путьская лягушка (Голос молодых студентов) // Красный студент. 1923. № 2-3. С. 32–33.
8. Воронин М. И., Воронина М. М. Зеленая лягушка. Из истории Путьского института Петербурга // История Петербурга. 2001. № 3. С. 65–67.
9. Заявление в бюро коллектива ВКП(б) от Президиума вечера пролетарской литературы, состоявшегося 26 февраля 1927 г. в актовом зале ЛГУ (Копия) // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 256. Л. 17–17 об.
10. Зиновьев Г. Новый студент и новый учитель // Студент революции. 1923. № 6. С. 3–5.
11. Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.

12. Изгоев А. С. Об интеллигентной молодежи (Заметки о ее быте и настроениях) // Вехи: сб. ст. о рус. интеллигенции. СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. С. 259–295.
13. Корбут М. Первое мая и студенчество // Голос пролетарского студенчества. 1924. № 2. С. 3–5.
14. Куимов Д. Студенчество и новый быт // Студент-пролетарий. 1924. № 2. С. 22–23.
15. Курасов С. А. Повседневность педагогических вузов в 1919 – начале 1950-х гг.: на материалах Владимирской области: дис. ... к-та ист. наук. Владимир: [б. и.], 2015. 256 с.
16. Мансырев М. Стрелковый спорт в вузах // Красное студенчество. 1927–1928. № 2. С. 39–41.
17. Марков А. Р. Что значит быть студентом: Работы 1995–2002 годов. М.: НЛЮ, 2005. 264 с.
18. Мартынова А. Ю. Российское студенчество и Февральская революция // Новый исторический вестник. 2005. № 13. С. 166–181.
19. Н. Задачи работы в деревне // Студенческая правда. 1929. № 12 (31). 4 июня. С. 4.
20. Невский В. Праздник пролетариата – праздник весны и борьбы // Красный студент. 1923. № 4. С. 1–3.
21. Окунев Я. Новое студенчество // Студент революции. 1923. № 2-3. С. 13–20.
22. Отчет (в культсекцию) по экскурсионной работе за октябрь месяц 1927 г. // ЦГАИПД СПб Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 256. Л. 54.
23. Отчет о проведении компании 8-го марта за 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 191. Л. 1.
24. Парсамов В. С. Борьба за университет в большевистской России 1917–1921 гг. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 121–146. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-121-146
25. Печникова А. III Конференция пролетарского студенчества Каз. Гос. Университета // Голос пролетарского студенчества. 1924. № 2. С. 43–50.
26. План комиссии ЛГУ по подготовке празднования X-й годовщины Октябрьской революции / ЦГАИПД СПб. Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 256. Л. 94–94 об.
27. План массовой работы студентов ЛГУ Географического сектора на заводе «Красный гвоздильщик» на 1931–1932 уч. год // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 470. Л. 4–4 об.
28. План общественно-политической работы на физико-математическом факультете Каз. Гос. Ун-та (октябрь–декабрь месяцы 1929 г.) // ГАРТ. Ф. П-624. Оп. 1. Д. 36. Л. 7–9.
29. План работы Культкомиссии Исполбюро Ленинградского Гос. Университета на 1927–28 учебный год // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 256. Л. 123–125.
30. План работы Культкомиссии Исполпрофбюро ЛГУ на 1928/1929 уч. г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 344. Л. 11–14 об.
31. Почему мы против «Студенческого дня»? // Студент революции. 1923. № 2-3. С. 9–10.
32. Протокол № 2 Заседания делегатов от работников и служащих ЛГУ от 24 апреля 1924 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 91. Л. 1.
33. Протокол № 4 Заседания Апо-комиссии яч. ВКП(б) физмата от 17 ноября 1929 г. // ГАРТ. Ф. П-624. Оп. 1. Д. 36. Л. 5–6 об.
34. Рожков А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Нов. лит. обозрение, 2014. 640 с.
35. Рябченко О. Студенти радянської України 1920–1930-х років: практики повсякденності та конфлікти ідентифікації: монографія. Харків: ХНАМГ, 2012. 456 с.
36. Самарин А. О научно-технических кружках // Красное студенчество. 1927–1928. № 6. С. 56–64.
37. Синанов Б. А. Повседневная жизнь «нового студенчества» Северной Осетии в 1920-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ: [б. и.], 2010. 176 с.
38. Смирнов С. О работе Клуба Пролетарского Студенчества П.Г.У. (В порядке обсуждения) // Студент-пролетарий. 1924. № 1. С. 11–13.
39. Список агитаторов коллектива ВКП(б) ЛГУ [1926 г.] // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 191. Л. 19–20.
40. Степнов А. О., Некрылов С. А. Пролетаризация в раннесоветской высшей школе // Уральский исторический вестник. 2023. № 1 (78). С. 65–73. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-65-73](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-65-73)
41. Суд над профессором // Студент-пролетарий. 1924. № 6-7. С. 95.
42. Тигин И. К моменту // Рабочий студент. 1924. № 1. С. 60–61.
43. Тиунов В. Как мы использовали зимние каникулы // Студент-пролетарий. 1924. № 7. С. 13–15.
44. Указания по проведению агитпропаботы Парткомитета Ленинградского университета (1927 г.) // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 256. Л. 29–30.
45. Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: НЛЮ, 2017. 416 с.
46. Черкасов П. Отпускник – толкач газеты в рабоче-крестьянские массы // Студент-пролетарий. 1924. № 4. С. 20–21.
47. Як. Вал. Союз науки и труда // Красный студент. 1923. № 2-3. С. 22–23.
48. Gorsuch A. E. Soviet youth and the politics of popular culture during NEP // Social History. 1992. Vol. 17. No. 2. P. 189–201.
49. Konecny P. Chaos on campus: The 1924 student proverka in Leningrad // Europe-Asia Studies. 1994. Vol. 46, № 4. P. 617–635. DOI: 10.1080/09668139408412186
50. Neumann M. “Youth, It’s Your Turn!”: Generations and the Fate of the Russian Revolution

(1917-1932) // Journal of Social History. 2012. Vol. 46, № 2. P. 273–304.

REFERENCES

1. Andreev D.A. «Krasnoe studenchestvo» 1921–1924 gg.: kontury obraza. (K voprosu ob objazatelnosti «proletarskogo» proishozhdenija) [“Red Students” 1921–1924: Contours of the Image. (On the Question of the Obligation of “Proletarian” Origin)]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2007, iss. 20, pp. 270-284.

2. Andreev D. «Krasnyi student» i politika proletarizatsii vysshei shkoly [“The Red Student” and the Politics of the Proletarianization of the Higher School]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2008, no. 2, pp. 45-61.

3. Anketa po obsledovaniuu materialnogo polozheniia studentov KGU (1925 g.) [Questionnaire on the Survey of the Financial Situation of Students of KSU (1925)]. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan (GART)* [State Archive of the Republic of Tatarstan], f. R1337, inv. 45, d. 1zh, l. 15.

4. Aporabota Komsomola (1929 g.) [Agitational Work of Komsomol (1929)]. *GART* [State Archive of the Republic of Tatarstan], f. P-624, inv. 1, d. 36, l. 10-11.

5. Barysheva E.V. “V veselom grohote, v ognjah i zvonah”: sovetskij prazdnik v socialnom konstruirovanii novogo obshchestva [“In a Cheerful Roar, in Lights and Bells”: A Soviet Holiday in the Social Construction of a New Society]. Moscow, RGGU, 2020. 192 p.

6. Bekker B. Na zakate [At Sunset]. *Student revoliutsii* [Student of the Revolution], 1923, no. 6, pp. 74-76.

7. Vilsorskii. Puteiskaia liagushka [Railway Frog]. *Krasnyi student* [The Red Student], 1923, no. 2-3, pp. 32-33.

8. Voronin M.I., Voronina M.M. Zelenaia liagushka. Iz istorii Puteiskogo instituta Peterburga [The Green Frog. From the History of the Putei Institute of St. Petersburg]. *Istoriia Peterburga* [History of St. Petersburg], 2001, no. 3, pp. 65-67.

9. Zayavleniye v byuro kollektiva VKP(b) ot Prezidiuma vechera proletarskoy literatury, sostoyavshegosya 26 fevralya 1927 g. v aktovom zale LGU (Kopiya) [Statement to the Bureau of the CPSU(b) Collective from the Presidium of the Evening of Proletarian Literature, Held on February 26, 1927, in the Assembly Hall of Leningrad State University (Copy)]. *Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-984, inv. 1, d. 256, l. 17-17r.

10. Zinovyev G. Novyi student i novyi uchitel [A New Student and a New Teacher]. *Student revoliutsii* [Student of the Revolution], 1923, no. 6, pp. 3-5.

11. Ivanov A.E. *Studenchestvo Rossii kontsa XIX – nachala XX veka. Sotsialno-istoricheskaya sudba* [The Study of Russia of the Late 19th – Early 20th Century. Socio-Historical Fate]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. 414 p.

12. Izgoev A.S. Ob intelligentnoj molodezhi (Zametki o ee byte i nastroenijah) [About Intelligent Youth (Notes on Its Life and Moods)]. *Vehi: sb. st. o rus. intelligencii* [Milestones. Collection of Articles About the Russian Intelligentsia]. Saint Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2011, pp. 259-295.

13. Korbut M. Pervoe maia i studenchestvo [The First of May and Studentship]. *Golos proletarskogo studenchestva* [The Voice of Proletarian Studentship], 1924, no. 2, pp. 3-5.

14. Kuimov D. Studenchestvo i novyi byt [Studentship and New Life]. *Student-proletariy* [Student-Proletarian], 1924, no. 2, pp. 22-23.

15. Kurasov S.A. *Povsednevnost pedagogicheskikh vuzov v 1919 – nachale 1950-h gg.: na materialah Vladimirskoj oblasti. dis. ... k-ta ist. nauk* [Everyday Life of Pedagogical Universities in 1919 – Early 1950s: On the Materials of the Vladimir Region. Cand. hist. sci. diss.]. Vladimir, s.n., 2015. 256 p.

16. Mansyrev M. Strelkovyi sport v vuzakh [Shooting Sport in Universities]. *Krasnoe studenchestvo* [Red Students], 1927–1928, no. 2, pp. 39-41.

17. Markov A.R. *Chto znachit byt studentom: Raboty 1995–2002 godov* [What It Means to Be a Student: Works of 1995–2002]. Moscow, NLO Publ., 2005. 264 p.

18. Martynova A.Ju. Rossijskoe studenchestvo i Fevral'skaja revoljucija [Russian Students and the February Revolution]. *Novyj istoricheskij vestnik* [New Historical Bulletin], 2005, no. 13, pp. 166-181.

19. N. Zadachi raboty v derevne [Tasks of Work in the Village]. *Studencheskaya Pravda* [Student Truth], 1929, no. 12 (31), June 4, p. 4.

20. Nevskii V. Prazdnik proletariata – prazdnik vesny i borby [The Holiday of the Proletariat – The Holiday of Spring and Struggle]. *Krasnyi student* [Red Student], 1923, no. 4, pp. 1-3.

21. Okunev Ia. Novoe studenchestvo [New Studentship]. *Student revoliutsii* [Student of the Revolution], 1923, no. 2-3, pp. 13-20.

22. Otchet (v kultseksiuyu) po ekskursionnoy rabote za oktyabr mesyats 1927 g. [Report on Excursion Work for October 1927]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-984, inv. 1, d. 256, l. 54.

23. Otchet o provedenii kompanii 8-go marta za 1926 g. [Report on the Company on March 8th for 1926].

TsGAIPD SPb [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-984, inv. 1, d. 191, l. 1.

24. Parsamov V.S. Borba za universitet v bolshevistskoj Rossii 1917–1921 gg. [The Struggle for the University in Bolshevik Russia 1917–1921]. *Vestnik RGGU. Serija "Istorija. Filologija. Kulturologija. Vostokovedenie"* [Bulletin of the RSHU. The Series "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies"], 2018, no. 6 (39), pp. 121-146. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-121-146

25. Pechnikova A. III Konferentsiia proletarskogo studenchestva Kaz. Gos. Universiteta [Conference Dedicated to the Lethargic Study of Kazan University]. *Golos proletarskogo studenchestva* [Voice of the Proletarian Students], 1924, no. 2, pp. 43-50.

26. Plan komissii LGU po podgotovke prazdnovanii X-i godovshchiny Oktiabrskoi revoliutsii [The Plan of the LSU Commission to Prepare for the Celebration of the 10th Anniversary of the October Revolution]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-984, inv. 1, d. 256, l. 94-94 r.

27. Plan massovoi raboty studentov LGU Geograficheskogo sektora [The Plan of Mass Work of LSU Students of the Geographical Sector]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-984, inv. 1, d. 470, l. 4-4 r.

28. Plan obshchestvenno-politicheskoy raboty na fiziko-matematicheskom fakultete Kaz. Gos. Un-ta (oktyabr-dekabr mesyatsy 1929 g.) [Plan of Socio-Political Work at the Faculty of Physics and Mathematics of Kaz. State University (October-December 1929)], f. P-624, inv. 1, d. 36, l. 7-9.

29. Plan raboty Kul'tkomissii Ispolbyuro Leningradskogo Gos. Universiteta na 1927–28 uchebnyy god [Work Plan of the Cultural Commission of the Executive Bureau of the Leningrad State University for the 1927–28 Academic Year]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-984, inv. 1, d. 256, l. 123-125.

30. Plan raboty Kul'tkomissii Ispolprofbyuro LGU na 1928/1929 uch. g. [Work Plan of the Cultural Commission of the Executive Trade Union Bureau of Leningrad State University for the 1928/1929 Academic Year]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-984, inv. 1, d. 344, l. 11-14 r.

31. Pochemu my protiv «Studencheskogo dnia»? [Why Are We Against the "Student Day"?]. *Student revoliutsii* [Student of the Revolution], 1923, no. 2-3, pp. 9-10.

32. Protokol № 2 Zasedaniia delegatok ot rabotnits i sluzhashchikh LGU ot 24 aprelia 1924 g.

[Minutes No. 2 of the Meeting of Delegates from Workers and Employees of LSU Dated April 24, 1924]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. 984, inv. 1, d. 91, l. 1.

33. Protokol № 4 Zasedaniya Apo-komissii yach. VKP(b) fizmata ot 17 noyabrya 1929 g. [Protocol No. 4 of the Meeting of the Apo-Commission of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) Physics and Mathematics Committee of November 17, 1929]. *GART* [State Archive of the Republic of Tatarstan], f. P-624, inv. 1, d. 36, l. 5-6 r.

34. Rozhkov A.Iu. *V krugu sverstnikov: Zhiznennyi mir molodogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-kh godov* [In the Circle of Peers: The Life World of a Young Man in Soviet Russia of the 1920s]. Moscow, Nov. lit. obozreniye Publ., 2014. 640 p.

35. Riabchenko O. *Studenti radianskoj Ukraïni 1920–1930-kh rokov: praktiki povsiakdennosti ta konflikti identifikatsin: monografiia* [Students of Soviet Ukraine in the 1920s and 1930s: Everyday Practices and Identification Conflicts]. Kharkov, KhNAMG Publ., 2012. 456 p.

36. Samarin A. O nauchno-tekhnicheskikh kruzhkakh [About Scientific and Technical Circles]. *Krasnoe studenchestvo* [Red Students], 1927–1928, no. 6, pp. 56-64.

37. Sinanov B.A. *Povsednevnaia zhizn «novogo studenchestva» Severnoj Osetii v 1920-h gg.: diss. ... kand. ist. nauk* [Everyday Life of the "New Students" of North Ossetia in the 1920s. Cand. hist. sci. diss.]. Vladikavkaz, s.n., 2010. 176 p.

38. Smirnov S. O rabote Kluba Proletarskogo Studenchestva P.G.U. [About the Work of the Club of Proletarian Students P.G.U.]. *Student-proletarii* [Student-Proletarian], 1924, no. 1, pp. 11-13.

39. Spisok agitatorov kolektiva VKP(b) LGU (1926 g.) [List of Agitators of the Collective of the CPSU (b) LSU (1926)]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-984, inv. 1, d. 191, l. 19-20.

40. Stepnov A.O., Nekrylov S.A. Proletarizatsiia v rannesovetskoj vysshei shkole [Proletarianization in the Early Soviet Higher School]. *Uralskii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2023, no. 1 (78), pp. 65-73. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-65-73](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-65-73)

41. Sud nad professorom [The Trial of the Professor]. *Student-proletarii* [Student-Proletarian], 1924, no. 6-7, p. 95.

42. Tigin I. K momentu [To the Moment]. *Rabochii student* [Worker Student], 1924, no. 1, pp. 60-61.

43. Tiunov V. Kak my ispolzovali zimnie kanikuly [How We Used the Winter Holidays]. *Student-proletarii* [Student-Proletarian], 1924, no. 7, pp. 13-15.

44. Ukazaniya po provedeniyu agitpropraboty Partkomiteta Leningradskogo universiteta (1927 g.) [Instructions for Conducting Propaganda work of the Leningrad University Party Committee (1927)]. *TsGAIPO SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-984, inv. 1, d. 256, l. 29-30.

45. Hellbek J. *Revoljucija ot pervogo lica: dnevniki stalinskij epohi* [Revolution in the First Person: Diaries of the Stalin Era]. Moscow, NLO Publ., 2017. 416 p.

46. Cherkasov P. Otpusnik – tolkach gazety v raboche-krestianskie massy [Vacationer – Pusher of the Newspaper to the Workers' and Peasants' Masses]. *Student-proletarii* [Student-Proletarian], 1924, no. 4, pp. 20-21.

47. Iak. Val. Soiuz nauki i truda [Union of Science and Labor]. *Krasnyi student* [Red Student], 1923, no. 2-3, pp. 22-23.

48. Gorsuch A.E. Soviet Youth and the Politics of Popular Culture During NEP. *Social History*, 1992, vol. 17, no. 2, pp. 189-201.

49. Konecny P. Chaos on Campus: The 1924 Student Proverka in Leningrad. *Europe-Asia Studies*, 1994, vol. 46, no. 4, pp. 617-635. DOI: 10.1080/09668139408412186

50. Neumann M. “Youth, It’s Your Turn!”: Generations and the Fate of the Russian Revolution (1917–1932). *Journal of Social History*, 2012, vol. 46, no. 2, pp. 273-304.

Information About the Author

Илья В. Сидорчук, Doctor of Sciences (History), Senior Researcher, Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russian Federation; Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Politechnicheskaya St, 29, 195251 Saint Petersburg, Russian Federation, chubber@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9760-2443>

Информация об авторе

Илья Викторович Сидорчук, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Российская Федерация; профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ул. Политехническая, 29, 195251 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, chubber@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9760-2443>